К. Бальмонт и И. Эренбург в контексте идеологии «славянского единства»

Леонид Кацис*

Идеология «Славянского единства», предусматривающая, как известно, чаемое объединение всех славянских народов, независимо от религиозной, государственной, территориальной и иной принадлежности на базе лишь общеславянского происхождения, к 1926-1928 гг. насчитывала в России и СССР практически столетие. Начавшись со знаменитых стихов Пушкина «Клеветникам России», пройдя через творчество Ф. Тютчева, К. Данилевского, В. Соловьева, В. Хлебникова и мн. др., эта идеология обрела в русской литературе свою своеобразную структуру (и образный ряд, восходящий к грандиозной поэме в сонетах Яна Коллара Дочь Славы), позволяющую достаточно уверенно опознавать ее даже в тогда, когда мы имеем дело с относительно "вырожденными" случаями. Более того, серьезнейшие политические проблемы, связанные с непростой историей межславянских отношений, породили особый достаточно скрытый язык, при помощи которого проблема «славянской взаимности» обсуждалась в России почти два века. Одновременно с этим создалась та образно-символическая сфера, в рамках которой были созданы многочисленные художественные произведения от «Клеветников России» А. Пушкина до авангардного сочинения И. Зданевича «Янко Круль Албанскай»(так! – Л. К.). И оно не было последним в этом ряду.

Это позволило нам вместе с нашим соавтором М. Одесским предложить понимание всего описанного комплекса как особой «поэтики славянского единства» в русской литературе XIX-XX вв.[1].

---

* Доктор филологических наук по русской литературе. Доцент Российкого государственного гуманитарного университета.

1) Наши предыдущие работы на эту тему см. Л. Кацис, М. Одесски(1996) "«И если когда нибудь в этой стране…»: О некоторых славянских параллелях к «Реквиему» Анны Ахматовой,"

Однако изучение этой проблематики лишь с «русской» стороны и со стороны лишь русской литературы страдает известной односторонностью подхода. Между тем, зародившись в Чехии, идеология славянского единства в той или иной форме дожила до XX века. И именно тогда после веков развития в рамках острого польско-русского противостояния, отразившегося, в частности, в лекциях Адама Мицкевича о славянских литературах, вновь вернулась в свой «родной» чешско-русский контекст. Произошло это тогда, когда уже в 1920-е гг. в чешской политической мысли после образования Чехо-Словакии в итоге Первой мировой войны остро встал вопрос об отношении и к новой Советской, и будущей пост-Совесткой России. Более того, этот вопрос имел и некоторое практическое содержание. Ведь в 1920-е гг. осуществлялась т.н. «русская акция» чешского правительства по поддержке русских эмигрантов в расчете на будущие дивиденды, которые должны были быть получены в пост-Советской России с помощью культурных агентов влияния.

Одним из получателей этой помощи был выдающийся русский поэт К. Бальмонт, который, как стало известно совсем недавно, создал обширную антологию переводов «Душа Чехии». Антология «Душа Чехии» сохранилась в архиве выдающегося чешского политика, движущей силы «русского проекта», К. Крамаржа[2]. Эта неизданная своевременно работа была опубликована совсем недавно микроскопическим тиражом в 100 экземпляров[3]. Ее целостный разбор представляет собой

Литературное обозрение, No. 5, 6.; Они же(1999) "Пушкин - Коллар - Мицкевич," *Известия АН. Серия литера-туры и языка,* Т. 58, No. 3; Они же(2001) "Идеи «славянской взаимности» в творчестве В. В. Хлебникова и литераторов его круга," *Известия АН. Серия литературы и языка,* Т. 60, No. 3; Они же(2005[2006]) "Поэтика «славянской взаиности» и ее отражение в творчестве Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева," *Славянский альманах,* М., и другие.

2) Е. Серапионова(2006) *Карл Крамарж и Россия. 1890-1937 годы.: Идейные воззрения, политическая активность, связи с русскими государственными и общественными деятелями,* М.

3) K. D. Balmont(2001) *Duse Cheskych zemi ve slovech a cinech.* Vidani, preklad, studie, komentar Danuse Ksicova. Masarykova univerzita, Brno. Z dejin rusko-ceskich literarnich vztahu.(Из истории русско-чешских литературных отношений: Бальмонт К.Д. Душа Чехии в слове и в деле./ Издание, перевод, статьи, комментарии Дануши Кшицовой. Университет им. Т. Г. Масарика. Брно. 2001.) Далее: ДЧ. стр.

отдельную проблему[4], а в данном случае мы коснемся лишь того ее аспекта, который связан с острейшей проблемой всей славянской истории и, соответственно, истории идеи «славянской взаимности» и который задевает проблему т.н. Карпатской или Пряшевской Руси.

Сложнейшая история этого региона получила в последнее время обстоятельное описание[5], что освобождает нас от необходимости ее конспективного изложения.

Поэтому сейчас мы прямо обратимся к текстам К. Бальмонта и к его анализу стихов поэта Карела Томана из чешской антологии.

Здесь Бальмонт затрагивает одну из важнейших особенностей идейных споров, бушевавших и в Чехословакии, и в русской эмиграции: с одной стороны – это терпимое отношение к Советской власти, а с другой – забвение (по мнению и Бальмонта, и как мы увидим позже К. Крамаржа), роли России в даровании свободы ЧСР.

Читаем Бальмонта: "По тоске и надменности своей, слепой человек охотно поклонится несоразмерному, хотя бы безобразному, в лике человеческом. Разве не горит лампада у останков одного из наименее человечных и разумных человеков, который был неверным итальянцем во французской раме и назывался Наполеоном? И не потому ли высоко тонкий, идеально чувствительный Поэт Бесприютных, чешский поэт Карел Томан может в правдиво-лживом явлении Большевизма не видеть безграничной Дьявольской лжи – и об уродливом изверге, коего мумия богохульно охраняется в Москве, может что то несуразно бряцать на лире?" (ДЧ. с. 176).

Мы опускаем сравнение и поэтики Томана с Э. По и Бодлером и обращаемся к анализу цикла о 12 месяцах славянского года. Одно из стихотворений вновь сравнивается со стихами Тютчева «Весенние воды»[6], однако интересует и Бальмонта, и нас не это. Прервав свой перевод 12 месяцев на 5-ом мае Бальмонт,

---

4) Л. Кацис, М. Одесский(2007) "Константин Бальмонт, Владимир Маяковский и Илья Эренбург в 1926-1928 гг.(К поэтике и идеологии «Славянского единства» и «Славянской политики»)," *Марина Цветаева и Константин Бальмонт. Материалы международных научных чтений*, Иваново(в печати).

5) А. Пушкаш(2006) *Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918-1945*, М. ; К. Шевченко (2006) *Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии*, М.

6) О роли Тютчева в идеологии «Славянской взаимности», объясняющей неслучайность его появления в контексте «Души Чехии» см.: Л. Кацис, М. Одесский(2003) "Тютчев и славянский вопрос," *Известия АН. Серия литературы и языка*, Т. 62, No. 6, сс. 11-24.

реагируя на строки:

Цепь братских рук спаяла хоровод,
И песен их встречает дружный дух
И говорит к отцам.
Затем что никогда воитель,
За плугом ли идет, кует ли меч железный,
Победы ль ищет, брата презрить - он не смеет! (ДЧ. с. 184)

пишет: "Так как же такой чувствительный и чувствующий поэт, едва только его Родина стала вольной после столетий рабства, может повторить неосмотрительные слова о братьях, почти единокровных, о русских, играя именем самого лютого врага России и всех славян? Тут выявляется (...) причина почему я не хочу перепевать все месяцы Томана. Он сказал, что никогда воитель, кует ли меч, идет ли в бой победный, не смеет презрить брата. Это славянское слово. Мечом своим, или своих братьев, не без помощи и жутких жертв со стороны братьев русских, со стороны истинной, подлинной страдальческой России, свой Дом вернув, пусть же сладкозвучный поэт и не осмеливается говорить неосторожно о братьях, которые потеряли свой дом лишь потому, и затем, что жизнь, и кровь, и мысль, и все свое отдали на то, чтоб на чужбине выковать возрождение и воссоздание своего Дома" (ДЧ. с. 186).

На этой ноте заканчивается явно обращенная к Крамаржу и связанная с его идеологией антология чешской поэзии и начинается часть, так сказать, прозаическая. В книгу «Душа Чехии» включена статья Бальмонта об английском слависте Поле Сэльвере, чьими антологиями пользовался русский поэт. В статье «Англичанин о чехах и русских» Бальмонт сетует, что вновь русских учить славянские языки могут вынудить лишь английские и немецкие переводчики и ученые, а сами русские не стремятся изучать языки поляков или сербов с чехами. В этой статье упоминается рядом со славянскими и "богатейший литовский" язык. Что не случайно для идеологии славянского единства как раз в исполнении и понимании упомянутого выше Ф. Тютчева[7].

---

7) Подробнее см. М. Одесский(2005) "От «Как дочь родную на закланье» к «Над русской Вильной стародавней». Литва в историософии Тютчева," *Балтийские перекрестки. Этнос. Конфессия. Миф. Текст.* СПб., 2005. сс. 351-366.

Однако все время помнит Бальмонт и о поисках древнейших корней славянства, которые ведут не только к ариям, но и к глубинам индо-арийским. Поэтому неудивительно, что рассказ о книге Владимира Ванека «Моя военная Одиссея», включенный в хрестоматию, Бальмонт начинает с рассказа о своих индийских встречах в Париже в 1926 г. Рассказывает Бальмонт и об индийском поэте Сураварди, который работал когда-то в театре Станиславского при постановке драм Рабиндраната Тагора. И именно этот индус познакомил Бальмонта с вице-консулом чешского посольства в Париже Владимиром Ванеком. Индийский поэт, влюбленный в Россию, как рассказывает Бальмонт, живет теперь в Париже именно потому, что любит Россию, а лишь в Париже можно общаться с ее духовными представителями, а с Ванеком Бальмонт встречался в связи с "изданием чешским правительством" его переводов Врхлицкого в Праге. Затем Бальмонт излагает жизненные перипетии Ванека, который прибыл в Россию с мечтой об Индии, а в итоге - вступил в русскую армию. "Ванек стал одним из бойцов чешской дружины, образовавшейся в России и соединившейся с волей России (ср. С названием парижского эмигрантского журнала. - Л. К.) не дозволить германскому деспотизму без конца топтать славянство и душить дух вольности и независимости народов и отдельных людей"(ДЧ. с. 210).

Ванек оказался в труднейшей разведке по поручению русского поручика: "Юный чех, божий воин этот подвиг совершил, и после целого ряда лишений, превзойденных опасностей, сидения в тюрьме, после побежденных угроз, и не угроз, а вот вот уже касания палаческой петли, и свистящих пуль, и неприятельских ядер, Ванек достиг родной Праги и тайным вестником чешского заговора свиделся с Крамаржем, а позднее с Масариком и с целым рядом выдающихся политических и общественных деятелей, построивших и зодчески скрепивших нынешнюю вольную Чехию, являющую среди славянских государств пример государства разумно делового и спокойно творческого"(ДЧ. с. 212).

Теперь для полноты картины сопоставим подход Бальмонта к идеологии Славянского единства с подходом к этому вопросу самого Карла Крамаржа, высказанному им в 1926 1927 гг. в книге «В защиту славянской политики».

Книга К. Крамаржа «В защиту славянской политики» интересна тем, что она подводит итог многолетней деятельности в попытках политического решения

проблемы Славянского единства на протяжении десятилетий, с одной стороны, и делает это автор, сверяясь с почти вековой традицией философии такого единства, с другой. Наконец, если помнить, что идеология Славянского единства зародилась в Чехии и что она связана с проблемой передачи мессианского назначения от Чехов, к Полякам и Русским, то работа Крмаржа, напомним, фанатичного русофила и, при этом, сторонника примирения поляков и русских, становится наиболее принципиальным недипломатическим документом, созданным одним из творцов этой политики, из тех, что нам сегодня доступны.

Поводом к написанию этого текста являются публичные выступления действующего тогда министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша. Текст «Предисловия» Крамаржа настолько важен, с одной стороны, и так четко коррелирует с текстами Бальмонта, рассмотренными выше, что мы приводим его полностью: "Пока это было возможно, я уклонялся от полемики с д-ром Бенешем, так как он - министр иностранных дел нашего молодого государства.

Его «Проблемы Славянской политики», опубликованные в «Славянском Пшегледе», являются таким резким нападением на наше традиционное понимание славянского вопроса и на славянские чувства народа, таким проявление не свойственной чехам неблагодарности в оценке русской политики и, наконец, таким высокомерным осуждением неославянства, передовым представителем которого был я, что мне дальше прямо невозможно оставаться пассивным.

Славяне и остальной мир(Д-р Бенеш свои взгляды на Славянство опубликовал и в парижском «Le monde Slave» и в русских журналах) не должны, в интересах будущности нашей и всего Славянства, составить себе такое впечатление, будто весь наш народ оказался неверным тому, чем жил в течение столетий, и перестал верить тому, что было его надеждой и поддержкой в период неволи и что дало ему в решительный момент силу к сопротивлению и у себя дома и за границей, и будто весь народ наш забыл о русской решимости не допустить покорения и порабощения сербских Славян, будто он забыл о миллионах русских жизней, которые спасли Францию от рокового и решительного поражения и дали войскам союзников возможность продержаться до победного конца. Тем менее могу я молчать, что все это написал не частный писатель или журналист, но первый министр иностранных дел чехословацкого народа, в столь большой степени обязанного

своим освобождением русской крови"[8](ЗСП. с. 7).

Книга К. Крамаржа начинается довольно обширным обзорным очерком, где анализируется соотношение идей Коллара родоначальника идеи Славянского единства, представителя западного славянства, и позиции русских славянофилов XIX века. Глава «Старое славянство» начинается с места в карьер, будучи рассчитанной, видимо, на профессиональных знатоков вопроса: "Д-р Бенеш в своем исследовании, естественно дает очерк развития славянской идеи. Уже здесь он старается все то, что делалось в России в отношении Славянства, представить в неблагоприятном свете по сравнению с тем, что делалось у западных Славян. Для д-ра Бенеша - Коллар гораздо "больше европеец, философ и гуманист", чем теоретики славянофильства в России, ибо кульминационной точкой его теории является гуманитарная идея, хотя это далеко не верно, д-р Бенеш сам не может не видеть в русском славянофильстве Киреевского и Хомякова высокоэтического мессианизма; в сущности, и, в конечном счете, он признает за славянофилами наличие демократизма, который он считает верхом всякого совершенства. Но при этом он забывает (...) о коренном различии между психикой русских и западных Славян в вопросах практически осуществимой славянской политики"(ЗСП. с. 9).

Это и есть основной пункт разногласий. Указывая, что русские Славяне были всегда свободны, что они победили Наполеона и т. д., Крамарж говорит о том, что русским никогда ничего не было надо от западных Славян, в отличие от надежды последних на русских в мечтах об освобождении. При этом русский религиозный мессианизм оценивается Крамаржем очень по чешски: "Русский мессианизм психологически должен был быть укреплен положением России в Священном Союзе и русские славянофилы естественно верили, что несут спасение миру и особенно Славянству, принося свою религию сердца и чувства, не искаженную ни критицизмом Запада, каким он вышел из реформации, ни новыми жизненными условиями, которые выросли на западе из капиталистического индустриализма" (ЗСП. с. 9).

---

8) В дальнейшем ссылки на книгу К. Крамаржа в русском переводе «В защиту Славянской Политики»(Прага, 1927) будут даваться в виде (ЗСП. с.).

Крамарж утверждает, что русские славянофилы не заботились "о политическом влиянии православия", и что русским не было надо от западных Славян помощи ни физической, ни моральной. Крамарж продолжает рассуждать о Колларе: "С другой стороны, Коллар был сыном порабощенного народа. Для него славянство было моральной опорой, верой в будущность и потому политическим фактором; он не смел, не мог открыто и ясно этого признать, так как славянское движение уже в самом начале возбуждало опасения и Немцев, и Мадьяр, что в случае усиления Славян, благодаря славянскому самосознанию, германизация и мадьяризация их окажется не столь действенной, какой была до того, причем эти опасения переходили в страх перед агрессивностью Славян и - главное - в беспокойство за целостность Австрии, угнетательницы Славян; вот почему западные славяне не придавали такого значения гуманитарному моменту, как последнему слову славянкого развития"(ЗСП. с. 10).

Упоминает Крамарж, вслед за Бенешем и о том, что Погодин, побывав в Чехии, ознакомил с идеями Коллара графа Уварова, автора формулы "самодержавие, православие и народность", однако продолжает утверждать, что в кругах русских славянофилов не было желавших объединения Славян под русской властью, а Данилевский и Фадеев предлагали либо федерацию. Либо союз славянских народов с русским языком лишь для общеславянского общения. Формула же Уварова была важна, по мнению Крамаржа, скорее для внутреннего, чем для внешнего употребления. Радикализация же взглядов русских мыслителей (Каткова и др.) произошла после Польского восстания 1863 г., когда расположенные к Польше русские деятели резко сменили вехи. Затем Крамарж отмечает, что русификаторские тенденции, возникшие в Польше, были перенесены русской властью на другие окраины. Однако далеко не всегда это было связано с идеями православного царства. Так, указывает Крамарж, конфликт с Болгарией после ее освобождения возник вовсе не из за православия - Болгария православная страна. Никто также не говорил и о русификации Сербии.

Наконец, для Крамаржа неприемлемо традиционное сравнение Бенешем панславизма и пангерманизма потому, что пангерманизм предусматривал угнетение не германских народов, а панславизм - нет.

Разумеется, как и всегда, на пути Славянского единства и в теории, и на

практике встает польский вопрос: "Если исключить русско-польский спор(хотя даже один из немногих русских панславистских писателей, Фадеев, требовал свободы для Поляков), то окажется, что Славяне, которые мечтали об объединении Славянства, никогда не допускали и мысли о притеснении неславянских народов и, поэтому, не заслужили того, чтобы чех (Э. Бенеш - Л. К.) мог усомниться в этичности их суждений"(ЗСП. с. 12-13).

В ответ на обвинения панславизма в понимании Бенеша в экспансионизме Крамарж формулирует свое собственное понимание этого феномена, но, как кажется, в форме идеологии Славянского единства. Хотя, разумеется. Не всегда легко отличить один от другого в конкретных политических обстоятельствах. Тем не менее, позиция Крамаржа такова: "Содержание и смысл панславизма никогда не были установлены авторитетно и ясно, ибо - д-р Бенеш это признает - сочинения Данилевского, Фадеева и Леонтьева были делом частных лиц, которое никогда и нигде не получило официальной санкции. Ни со стороны государства, ни со стороны какой-либо авторитетной корпорации.

Русский государственный «панславизм» был ни чем иным, как обычной немецкой и мадьярской клеветой и существовал лишь в фантазии наших врагов, и потому ему трудно было умереть".

Здесь содержится ответ Бенешу на его замечание, что министр считает панславизм мертвым(ЗСП. с. 13).

Крамарж продолжает: "Мы, впрочем, всегда протестовали против злоупотребления словом «панславизм», при каждой, малейшей попытке к сближению между Славянам и, и особенно мы не желаем быть на одной линии с пангерманизмом, который для нас означает насилие и угнетение нашего народа и других Славян, живущих на путях к Ближнему Востоку".

Здесь явно слышатся отголоски неудавшегося проекта по строительству черногорской железной дороги через Турцию на Ближний Восток, которое планировалось в период близкий к Славянскому съезду 1908 г. Эта дорога должна была стать препятствием (при участии Австрии) к германской экспансии на Ближнем Востоке. Однако всю картину европейской политики изменил выстрел в Сараево. Поэтому неудивительно и заключение этой тирады Крамаржа: "Славянство, по нашему, никогда не преследовало агрессивных целей, даже если предста-

влять его политически. Оно было для нас охраной против германизма и мадьяризма и - главное - обеспечением европейского мира".

Обратим внимание на то, что Крамарж настойчиво избегает называть Австро-Венгрию с использованием первого топонима. Ведь существенной частью его политики нео-славизма было сложное взаимодействие и борьба с т.н. австро-славизмом.

В самом начале полемики с д-ром Бенешем в своей книге, которая представляет собой жесткий и сжатый манифест политического нео-славянства по состоянию на 1926-1927 гг., Крамарж практически в самом начале касается и двух сложнейших вопросов Славянской политики - польского и украинского. Сами эти неизбежные проблемы могли бы возникнуть в книге и позднее, однако Крамарж сразу же стремится выявить разницу своей позиции и позицию официальной ЧСР, т.е. пожизненного президента республики Масарика[9] и министра иностранных дел страны - Бенеша. Оставляя в стороне вопросы истории, на которых останавливается Крамарж, цитируем его собственную позицию: "Мы в украинском движении в Галиции всегда видели величайшую угрозу для Славянства, потому что ни для кого не было секретом, что это движение поддерживалось сначала Поляками, а потом Немцами из Вены и из Берлина - в целях разрушения единства России, т.е. во вред Славянства. Д-р. Бенеш очень усиленно подчеркивает, что и профессор Масарик шел путем, уклоняющемся от нашего. Это - правда, так как его органы, и он сам относятся очень благосклонно к украинству. Мы видим и теперь, что наша официальная политика прямо балует украинцев, заклятых врагов России, и этим, к сожалению, очень осложняет наши отношения к будущей России. (...) Между прочим, эта наша официальная украинская политика весьма скверно отражается на наших отношениях к Словакам и на нашей текущей политике; мы любим словацкий язык и охотно отстаиваем все права Словаков, но мы хотим слияния двух ветвей объединенного народа и политического единства, т.е. стремимся совсем не к тому, чего хотят Украинцы, сепаратизм которых направлен определенно против России"[10](ЗСП. с. 15).

---

9) Его позиция последовательно, но сжато изложена в : К. Чапек(2000) *Беседы с Т. Г. Масариком*, М., С. 63-144(Глава «Жизнь и работа»).

10) Ср. Информативную статью о позиции российских дипломатов от рубежа веков до

О том, как Крамарж понимает отношения ЧСР и будущей России мы будем говорить позже, также как и о том, какая Россия имеется им в виду в 1927 г. И здесь у нас есть замечательный литературно-политический документ, позволяющий оценить украинско-словацкие взаимоотношения того же времени, в частности в языковой сфере. Это книга И. Эренбурга «Виза времени». Сочинение советского писателя требует серьезного учета, как мы показывали в наших более ранних работах, в частности, об Эренбурге и Маяковском. К анализу «Визы времени» мы, естественно, обратимся специально. Пока же процитируем из нее небольшой отрывок. Обращаем внимание на то, что советский автор занимает четко анти-украинско-самостийную позицию, однако Карпаткую Русь считает частью (пусть будущей, но естественной) Советской Украины и, следовательно, частью России в понимании любого европейского политика. Кроме всего прочего, Эренбург, выступая за присоединение Пряшевской Руси к СССР, вовсе не выступает на Чехословакию. Он говорит о своем отдельном пути Словакии после чаемого воссоединения русинов с Советской Россией и всего Прикарпатья.

Цитируем Эренбурга: "Местные газеты переполнены известиями о жизни СССР. Это не страсть вчуже, это духовный оплот. Словаки твердо помнят, что мы – их естественные соседи. Всякому ясно, что Подкарпатская Русь рано или поздно отойдет туда, куда она хочет и должна отойти. Между нею и Советским Союзом – только узкая полоска Западной Украины. Тогда то государство, о котором деды слагали песни, похожие на сон, и о которых теперь пишут в газетных передовицах, как о баснословном Яношике, окажется рядом, под боком. Так будут уравновешены различные влияния, а Словакия сможет идти своим путем: ведь дерево, обдуваемое встречными ветрами, не гнется к земле, но растет вверх".

Понятно, что такая позиция противостоит уже и Бенеша, и Крамаржу.

И заметим, что нам придется вернуться к этой цитате, когда мы будем анализировать, по видимому, неслучайную, поездку Эренбурга в Карпаты и Словакию с недолгим, но показательным заездом в Польшу в 1927 г., где, кстати, практически

Первой мировой войны по этому вопросу в: М. Клопова(1999[2000]) "Украинское движение Австро-Венгрии в оценке российских дипломатов," *Славянский альманах,* М., сс. 164-174. Эти материалы особенно интересны т.к. Крамарж в своей книге подробно излагает собственную дипломатическую деятельность в этот же период.

тогда же побывал и Маяковский. Он описал это в ряде знаменитых очерков «Ездил я так», «Поверх Варшавы» и др.[11] Ни Бальмонт, ни Маяковский этого сравнительного для понимания позиций Крамаржа и Бенеша материала нам не дадут.

Можно с уверенностью сказать, что, говоря о будущей России, Крамарж менее всего имеет в виду Россию сталинскую... А Бенеш менее всего мог сочувствовать идеям Эренбурга. Тем более что главной своей заслугой Крамарж считал тот момент, когда Чехи в Москве(в 1908 г. - Л. К.) защищали свои взгляды на Славянство и на отношения Русских к Полякам, хотя мужественно и безуспешно, а вот в Праге Русские и Поляки подали друг другу руку!"(ЗСП. с. 17).

Понятно, что в 1926-1927 гг. Крамарж должен был больше оправдываться за свою политическую деятельность, чем проводить свою реальную политику. Однако он в этом своем качестве привел ряд важных аргументов в пользу того, что переход Славянского движения в руки правых был связан с радикализмом и космополитизмом русских левых. Это, по его мнению, привело к искажению всей реальной картины славянской политики. Понятно, что крайне правый политик, которого обвиняли даже в фашизме (хотя надо помнить, что это слово имело отношение к итальянской разновидности движения, а не к национал социализму, а друг Маяковского, герой его очерков и даже сотрудник советской торговой миссии Р. О. Якобсон, как известно, возглавлял чешскую лингвистическую делегацию на приеме у Муссолини), старался продемонстрировать свой либерализм и даже демократизм, но, разумеется, не социализм.

Роль Славянской идеи в сохранении России от революции повторяется Крамаржем постоянно: Д-р. Бенеш "постоянно вспоминает о пометке, сделанной царем Николаем I в начале пятидесятых годов на полях доклада Ивана Аксакова по славянскому вопросу: "Если бы силой обстоятельств действительно осуществилось объединение Славян, это привело бы к гибели России".

Д-р. Бенеш узнал об этой пометке из одной реляции австрийского посланника в Петрограде, и она явилась для него, при его исполненном любви отношении к России, весьма приятным открытием.

---

11) Л. Кацис(1993) "Маяковский и Эренбург в Варшаве в 1927 г." *Литературный авангард. Особенности развития,* М.; Он же(1995) "Маяковский в Варшаве в 1927 г.," *Wlodzimier Majakovskegczas. Literatura na pograniczach,* Warsawa.

В пятидесятых годах! И это должно сохранить силу и для конца 19-го столетия, когда большая часть русской интеллигенции была уже революционной и анархо-социалистической и когда славянская идея, наоборот, могла бы вносить положительный элемент в жизнь русского народа, а не разложение, которого боялся представитель Священного Союза, Николай II"(ЗСП. с. 58).

Крамарж не приемлет идею Бенеша, будто славянское движение как направление Колларовского романтизма возможно лишь до тех пор, пока Чехи и Словаки не стали независимыми. Причем, Бенеш выдвигает идею необходимости социалистической критики прежней славянской теории. Крамарж не допускает возможности смотреть на Россию критически именно тогда, когда она ослабла(ЗСП. с. 63, 69.)

Не забывает Крамарж и русских эмигрантов, причем далеко не рядовых. Возражая Бенешу, который считал участие России в войне лишь экспансионистским проектом, лидер нео-славистов пишет: "...заявление г-га Бенеша о территориальных целях России представляется не только безусловно беспочвенным обвинением русской политики, но и скверной попыткой отнять всю моральную цену у решения России - не допустить уничтожения самостоятельного братского сербского народа. Этим способом Бенеш хочет избавиться от всякой обязанности быть благодарным. Это представляется тем более легким, что люди, которые в свое время верностью своей Славянству втянули Россию в войну, теперь являются бедными эмигрантами и относительно их влиятельному министру освобожденного государства дозволено все, на что он бы не решился, если бы вместо республики советов была ... Россия"(ЗСП. с. 72).

Понятно, что подобные рассуждения ведут к объяснению невозможности для Крамаржа официального признания Советской России Чехословакией: "И вот теперь, когда мы видим ужасные страдания русского народа, видим развал, который несет миру большевизм, когда мы слышим, как говорит министр нашего освобожденного славянского народа о самом героическом моменте русской истории, о безмерных жертвах России, принесенных ею вопреки собственным интересам, во имя славянской идеи и исполнения миссии, вытекающей из нее для России, когда мы слышим, что и в Сербии, для которой Россия принесла в жертву себя и миллионы своих людей, некоторые циничные, безнравственные политики заводят речь о признании советского правительства, то не было бы, воистину, удивительным, если бы стали говорить

о том, что Россия должна была ждать, пока *она* сама не приготовится и только после этого могла окончательно решать *все* вопросы. В этом случае война не продолжалась бы четыре года и все, *также и мы*, могли бы к ней приготовится, ибо после покорения Сербии каждый бы знал, что война неизбежна; Россия не должна была бы за выполнение своего нравственного долга в отношении Славянства заплатить своей собственной гибелью..."(ЗСП. с. 72-73).

Таковы причины, по которым Крамарж не считал возможным признание СССР.

Необходимо прокомментировать и одну деталь стихотворения Маяковского «Славянский вопрос-то решается просто» того же 1927 г., где Крамарж упоминается в эпиграфе к стихотворению, и где партия Крамаржа названа партией фашистов. Это важно помнить при оценке позиции Эренбурга.

Понятно, что сам Крамарж себя так никогда не называл, однако симпатии к итальянскому фашизму ему были свойственны: "Между тем д-р. Бенеш умеет иногда показать характер и в отношении иностранцев, только, к сожалению, не там, где это нужно. Мы видели это в деле наших социалистических лидеров, когда они позволили себе выпады против фашистской Италии. В этом случае д-р. Бенеш очень мало торопился заверить Италию в том, что высказанные этими лидерами взгляды ни по форме, ни по содержанию не соответствуют намерениям нашего министерства иностранных дел, и этот недостаток нашего внешнего положения пришлось исправлять в порядке очень демонстративного пожалования соответствующим лицам наших орденов"(ЗСП. с. 104).

Вспомним на этом фоне еще раз о сотрудниках советского постпредства, включая сюда и Р. О. Якобсона.

Надо отметить, что некоторые политические взгляды Якобсона парадоксальным образом совпадали не столько с взглядами его собеседников из круга Бенеша или Масарика, а скорее - с взглядами Крамаржа. Так, Н. Автономова и М. Гаспаров точно указали в статье под характерным названием "Якобсон, славистика и евразийство" направление политической мысли великого лингвиста, а автор статьи о его дипломатической деятельности в Чехии М. Ю. Сорокина обобщила их совершенно верный вывод в следующих словах: " "Советский космополит" Роман Якобсон был одним из ревностных сторонников идеи славянского культурного (и далеко не только - Л. К., О. М.) единства. Его главная политическая

тенденция 1920-х, по выражению Н. Автономовой и М. Гаспарова, – "донести до совестких властей предложение укреплять свои международные позиции в Восточной Европе, а не в Китае"[12], совпадала с вектором разнонаправленных сил международной политики"[13].

Интересно сопоставить это мнение с тем, что, в противовес Бенешу, пишет в своей книге Карл Крамарж, обсуждая как раз альтернативу "Славянское единство – евразийство". Однако чтобы увидеть позицию Бенеша во всей ее полноте и связи с проблемой признания правительства большевиков, мы процитируем его высказывания в достаточно широком контексте. Тем более это интересно на фоне попыток Якобсона объединить как-то свою любовь к единению славян и евразийство. Здесь начинаются уже расхождения друга и корреспондента великого слависта Н. Трубецкого с имплицитно присущим идеям Якобсона следам размышлений К. Крамаржа.

Итак, Бенеш "(...) не хочет, чтобы Россия в отношении Славян играла роль покровителя. Польша, мы и балканские Славяне освобождены навсегда, Россия нам больше не нужна и потому "представление о России, как о покровительнице Славян, окончательно отпадает".

Нам, дескать, этого не нужно, даже принимая во внимание Германию, по тому необычайному соображению, что Россия теперь перестала быть соседом Германии. (...) Для того, чтобы вполне себя обезопасить против всякого помышления о подобном русском протекторате, д-р. Бенеш во что бы то ни стало, хочет отодвинуть Россию в Азию, и в этом отношении всякий аргумент кажется ему пригодным. Вот что он решается заявить: "после создания Польши, укрепления положения в Средней Европе (Румыния, Венгрия, Чехословакия) и разрешения балканских вопросов, для России навсегда закрыт путь на запад". Словно Россия когда-нибудь имела агрессивные намерения в отношении названных стран!".

---

12) Н. Автономова, М. Гаспаров(1997) "Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры. 1929-1951," *Материалы Международного конгресса « 100-летие Р. О. Якобсона», Москва 18-23 декабря 1996г.*, М.: РГГУ, сс. 39-40.

13) М. Ю. Сорокина(2000) "«Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика Якобсона»," *In memoriam Исторический сборник памяти А. И. Добкина*, СПб.-Париж, с. 120.

После этих рассуждений Крамарж переходит к обсуждению проблемы Славянство -евразийство, которая нас наиболее интересует: "Теперь возьмем советское правительство. По мнению д-ра Бенеша, азиатская политика последнего больше согласуется с интересами России и всего света, чем прежняя, и он ее одобряет, так как она менее опасна для европейского мира. Даже удивительно, как мало д-р. Бенеш понимает, к чему советское правительство стремится в Азии. Он не понимает, что большевиков интересует не величие России, а проведение о бманного плана нанести решительный удар европейским державам, особенно Англии, ударить по самому больному ее месту для того, чтобы вызвать переворот в метрополии, в силу которого Англия лишится в лице азиатских колоний истори-ческого рынка для сбыта"(ЗСП. с. 106-107).

Таким образом, позиция Якобсона, выраженная им открыто в 1929 г., практически совпадала с тем, что предлагал Крамарж. Кроме, разумеется, крайнего антисоветизма и антиевразийства последнего: "Д-р. Бенеш просто желал бы подобно *евразийским фантазерам*(курсив наш - Л. К., М. О.), или подобно Германии и Австрии, чтобы Россия оставила неблагодарную Европу и превратилась бы просто в азиатскую державу, не мешала бы европейцам, как д-р. Бенеш и ему подобные, делать пан-европейскую или средне-европейскую политику и отучила бы нас и других Славян видеть в ней нечто большее, чем народ, который может вспомнить о Славянстве лишь тогда, когда это будет нужно для его собственных политических видов".

Надо отметить, чуть отвлекшись от Эренбурга, что слова эти, рассмотренные в контексте тогдашней деятельности Маяковского и Лефа вкупе с известной нам частью переписки Якобсона с Трубецким, позволят увидеть ситуацию более объемно. Достаточно вспомнить, что в это самое время О. Брик пишет киносценарий «Потомок Чингисхана», связанный с проблемой получения Кремлем грамоты на владение Монголией, а Маяковский по идее В. Горожанина(Председателя ГПУ Украины и начальника ИНО ОГПУ) пишет сценарий несостоявшегося фильма «Инженер Д'Арси», где описывалась борьба Англии и США в 1901(!) году за Персидские нефтяные поля. "Инженер Д'Арси" - это основатель кампании «Бритиш Петролеум», что интересно коррелирует с рассуждениями Крамаржа.

Что касается Якобсона, то ему его корреспондент и основатель движения евразийцев Н. С. Трубецкой подробно разъяснял в письмах цели и задачи евразийства

и, среди прочего, радовался тому факту, что Мировая революция не перешла в Германию по марксистским схемам, а Россия стала центром. Таким образом, Россия не оказалась жалкой провинцией германского мира и сохранила свое монголо-туранское состояние[14].

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в это самое время я развивается история с чекисткой "Операцией Трест"[15] и, соответственно, в повременных газетах печатаются многочисленные репортажи В. Шульгина о ситуации в Советской России, с одной стороны, а с другой, эмигрантская русская печать уделяет существенное внимание проблеме т.н. "хулиганства" в молодежных кругах тогдашней Советской России. Без учета этого невозможно понять ни стихи Маяковского «В мировом масштабе»(1926):

Пора
на очередь
поставить вопрос
о делах
мандаринства и панства.
Рабочие мира,
прекратите рост
международного хулиганства!,

ни то, что пишет Крамарж в своей книге, оценивая ситуацию в Советской России 1926-27 гг. Говоря о невозможности признания существующего советского режима, Крамарж обращается к оценке исторической ситуации у Бенеша: "И совсем обнажая свое нутро, д-р. Бенеш присовокупил несколько заявлений о своем отношении к большевикам, чтобы, как он пояснил, быть справедливым к старому режиму и к советскому: "На старом режиме, - заявляет он, - лежит большая ответственность, чем на большевизме, так как Ленина создал царь, и так как большевизм сделался возможным по вине царизма". Вот такова справедливость г-на Бенеша!

---

14) Подробнее см. Л. Кацис(2004) *Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи*, М.

15) Л. Флейшман(2003) *В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать*, М.

Независимо от того, что самая большая вина лежит на "бескровной" революции, которая в своем отношении к свободе, как какому-то фетишу, явилась прямо карикатурой на власть, сознающую свою ответственность во время войны, нельзя не отметить эту трогательную предупредительность: у д-ра Бенеша не оказалось ни единого слова осуждения за большевицкие зверства, за экономическое разрушение России и разорение большей части ее населения. Д-р. Бенеш идет так далеко, что объявляет нашей целью "вступить с теперешней Россией в сношения и подготовить почву для идеи славянского сотрудничества". Стало быть, нам предстоит распространять славянскую идею, осквернив ее признанием палачей русской интеллигенции и убийц неповинных, мирных русских граждан, и пропагандировать эту идею среди коммунистов-интернационалистов! Трудно даже себе представить, как можно еще больше дискредитировать славянскую идею на вечные времена!"(ЗСП. с. 107-108).

Что же касается Бальмонта, то теперь, вспомнив его пассажи о проблеме признания большевиков, нет никаких сомнений, что его тексты были прямо ориентированы на взгляды Крамаржа.

Наконец, учитывая тот факт, что книга Крамаржа пишется в 1926-27 г. и явно связана с текущей информацией из России, два следующих абзаца являются в этом смысле определяющими: "Д-р. Бенеш полагает, что большевики воспитали новое поколение, и вот в нем он не хотел бы создавать впечатления, будто Славяне недружелюбно относятся к теперешней России. (...) В России подрастают две разновидности молодого поколения: "комсомольцы" и антибольшевики. Комсомольцы так морально развращены, что сами большевики теряются перед их "деяниями", и если среди них д-р. Бенеш желает распространять славянские идеи, то я его наперед поздравляю с успехом: это самые отчаянные хулиганы.

Но рядом с этой, физически и морально испорченной частью молодежи есть другая, о которой можно сказать, что она является здоровым, сильным ядром подлинно новой России. Она смертельно ненавидит большевиков, и ей, по логике вещей, принадлежит будущее"(ЗСП. с. 108-109).

Нет никаких сомнений, что перед нами след "Операции ТРЕСТ". Недаром на книге Крамаржа мы находим рекламу работы Вл. Лазаревского «Россия и чехословацкое возрождение», предисловие к которой написано В. В. Шульгиным - главной жертвой "Операции ТРЕСТ". Это лишний раз подчеркивает актуальность текстов Маяковского.

Другое дело, как сегодня мы оцениваем теории двух политиков и реакцию на них в советской России. В любом случае, политические подтексты в 1926-1927 гг. явно превалировали над литературными.

На протяжении всей оставшейся части книги Крамарж неоднократно возвращается к своим прогнозам о будущем России и поясняет, что будущее страны может быть правильно организовано лишь людьми из эмиграции, сохранившими настоящее чувство России.

Это касается ситуации 1926-1927 гг. Однако в главе "Будущее Славянства" Крамарж затрагивает все тот же карпатско-украинский вопрос, следы которого мы видели в текстах Бальмонта и очерках Эренбурга и обсуждение роли корпуса т.н. бело-чехов и их роли в русской революции.

По второму поводу Крамарж пишет: "(...) в России, при неизмеримо меньших жертвах, наше войско играло свою особую, исключительную роль, и, действительно. Больше, чем вся наша дипломатия за границей помогло завоевать нашу независимость. (...) И прямо трагическим для всего будущего нашего народа и всего Славянства является то, что наше войско не пошло дальше в самостоятельности своих решений, что оно дало себя уговорить, будто большевизм это внутреннее дело, в которое нам не следует вмешиваться, и не освободило Россию от ее тирании"(ЗСП. с. 112).

Это пишется уже в ответ на «Мировую революцию» Масарика. Того самого Масарика, который еще в 1918 г. не был против признания Советов.

Подробное изучение противоречий между Масариком-Бенешем и Крамаржом мы оставим, ибо это, скорее, касается политической истории. А вот обсуждение украинско-карпатской проблемы мы проанализируем подробнее, ибо этот вопрос найдет свое яркое отражение в литературе от политических и путевых очерков до авангарда.

Характеризуя прозападническую и не славянскую (по мнению автора книги) позицию Бенеша, который путем открытия в Праге советской торговой миссии и (той самой, с которой сотрудничал Якобсон, помогавший и Маяковскому в его турне и освещении поездки после нее) "открыл большевикам путь в Западную Европу" (ЗСП. с. 113), Крамарж переходит к обсуждению украинской проблемы: "Эта западническая ориентация является даже причиной того, что мы демонстративно поддержи-

ваем украинцев и, стало быть, их сепаратизм.

Д-р. Бенеш не в состоянии отразить тот аргумент, что русский народ является самым многочисленным среди Славян и что этот факт не может остаться без определенного влияния на роль России в Славянстве. Поэтому д-р. Бенеш во что бы то ни стало стремится к уменьшению России, поэтому он ровно ничего не имеет против украинского сепаратизма, хотя последний является открыто и страстно враждебным России".

Далее Крамарж возмущается тем, что чешские власти закрыли русский педагогический институт, однако оставили и финансируют украинский университет. Его все более интересуют проблемы глобальной политики, в частности, выход России к Черному морю, которым СССР на тот момент обладало, однако которого могло лишиться из-за претензий украинцев самостийников(ЗСП. с. 113). Однако все выводы Крамаржа делаются относительно той новой России без большевиков, которую он провидит в самое ближайшее время. В сущности, разница между позициями Масарика-Бенеша и Крамаржа заключается в том, что те готовы признать реалии современного им мира, в частности СССР, а Крамарж размышляет "поверх СССР", если воспользоваться образом Маяковского «поверх Варшавы».

При этом Крамарж уверен, "(...) Россия (не большевистская, конечно. - Л. К., М. О.) никогда бы не посягнула на Подкарпатскую Русь, между тем, как Украинцы, которые уже теперь на открытках рисуют великую Украину со включением нашей Подкарпатской Руси и вплоть до Тихого океана, не будут колебаться объявить своим то, что принадлежит нам. Тем более что и мы сами, в сущности, подготовляем такое решение вопроса своим противодействием великорусскому языку и своей внутренней политикой в Подкарпатской Руси"(ЗСП. с. 113).

Теперь вспомним о том, что писал И. Эренбург в дважды цитировавшемся абзаце о стараниях Словаков сделать то, что не получилось у Австрийцев и Поляков в т.н. Пряжской Руси, т.е. заставить карпатских Русин перейти на (в данном случае) словацкий язык.

Чтобы осознать, как виделся этот край в 1926-1928 гг. несовестко-советскому путешественнику И. Эренбургу, проследим, как он проехал, вновь вспоминая Маяковского «по чехам, по словакам» и что он услышал там относительно "племени славянского", хотя о Словаках Маяковский нам ничего не сообщил, в отличие

от своего коллеги-прозаика.

Ведь, как мы видим, все серьезные политические аналитики тех лет неизбежно занимались проблемами Карпатской Руси, доставшимися Европе от Австро-Венгрии и Первой мировой войны.

Эренбург не старается найти что-то новое для описания Праги или даже Братиславы. Столица Словакии для него экзотический город, граничащий в деревнями разных племен бывшей империи. В столице Словакии самих Словаков не более двадцати процентов, а чехи учат жителей союзной части нового государства управлению и всему остальному. Описывает Эренбург и чисто этнографические особенности Словакии. Однако все это производит довольно обыденное впечатление. В отличие от описания Польши с ее Варшавой или немецкого Берлина. Обсуждая проблемы жизни в пост-венгерской Словакии, Эренбург впервые касается проблемы Карпат в связи с местными евреями: "Сначала все евреи говорили по-немецки, но здесь-то началась мадьяризация. Будапешт - большой город, столица. Делать нечего, отцы, говорившие по-немецки, стали посылать своих детей в мадьярские школы. (...) Так выросло поколение, говорившее по-мадьярски. Кажется, на этом можно было успокоиться, но началась война, а в итоге появилась какая-то "чехо-словакия". Вначале евреи недоверчиво усмехались: "Посмотрим, насколько это..." Выяснилось, что надолго. Тогда стал вопрос - какому же языку теперь учиться? Прага - столица, большой город. Где только возможно, будь то Словакия или Подкарпатская Русь, евреи посылают своих детей в чешские школы"[16].

Картина, нарисованная Эренбургом для евреев куда более актуальна для Русинов, ибо, в отличие от потомков Рэби Акибы, для Русинов язык - это вопрос не только национального самоопределения, но и вопрос политической лояльности Австро-Венгрии, Чехословакии или России с Польшей. А вопросы эти непросты и, зачастую кровавы. В чем нам и предстоит убедиться.

В главе «Пряшевская Русь» Эренбург оценивает ситуацию с русскими в Словакии, о чем, как мы помним, писал Крамарж, споря с Бенешем, так: "О существовании Подкарпатской(или Угорской) Руси в России, хотя смутно, да знают, но вот уж, наверное, никто не подозревает, что существует какая-то Пряше-

16) И. Эренбург(1931) "Корчма и рэби Акиба," *Эренбург И. Виза времени.* М., сс. 235-236.

вская русь, которая упорно отстаивает свои права на русский язык. Это - горная область восточной Словакии, узкая полоска скудной земли, на которую мало кто зарится. Русских давно уже вытеснили с равнины, остались они только в "верховине", то есть в горах".

Эти люди на вопрос: "кто они?", отвечают "Мы русские", говорят они на смеси русского, украинского, белорусского, мадьярского и словацкого. Поняв, что, называясь в переписи словаками, они теряют право на преподавание русского языка в школах Пряшевцы собираются добиваться преподавания по-русски.

Здесь-то Эренбург и замечает, что новообретшие государственность Словаки считают не так: "Словацкий администратор пожимал плечами: - Русские? Здесь нет никаких русских. Это просто Словаки греко католического вероисповедания, которые говорят на местном говоре"[17].

Поразительно, как близки сетования Крамаржа на притеснения чехами словацкого языка в новой ЧСР тому, что пишет Эренбург о ситуации в Словакии с Русинами: "Вопрос о Пряшевской Руси уж по своему масштабу никак не может стать предметом "высокой политик". (...) Но кто же лучше словаков знает, что такое национальный гнет? Их давили и немцы, и мадьяры. Теперь они узнали вежливый, задушевный "прижим" чехов. (...) При случае и словаки не прочь заняться тем же".

Такова непростая реальность маленького русинского региона. В прошлом, рассказывает Эренбург, Пряшев был духовной столицей Подкарпатской Руси. Здесь назначались тайные совещания, печатались русские книги и журналы, а теперь "новая произвольная граница отделила "словацкий" Пряшев от якобы автономной Подкарпатской Руси. (...) Приверженность крестьян к религии здесь в сильной степени продиктована национальным вопросом. Православное, да и униатское духовенство отстаивало русский язык. В противовес судье, жандарму, зачастую и учителю - поп был "своим", "русским человеком".

Что станет с пряшевчанами? Сохранят ли они свой язык до того часа, когда Подкарпатская Русь получит возможность распоряжаться своей судьбой? Или словакам удастся то, что не удалось немцам и мадьярам?".

Отношение Эренбурга к Прикарпатской Руси, несомненно, носит характер поли-

---

17) И. Эренбург Пряшевская Русь, сс. 242-243.

тический. Недаром он, упоминая о многотысячных Братских могилах русских воинов, пишет: "Эти братские могилы как бы предостерегают. Дело ведь не только в империализме Санкт-Петербурга или Вены. "Москва", "Россия", "СССР" эти слова определяют и акафисты, и изобретательные(избирательные?) бюллетени, и шепот молодых парней в летние грозовые вечера. Великое дело - родной язык, но, может быть, человеческая жизнь еще выше?"[18].

Это предостережение вкупе с упоминанием чуждого учителя, которого, порой, заменяют священники, свидетельствует о знании Эренбургом о тех трагических событиях, которые разыгрались в этих краях. Позже мы увидим то, как Эренбург еще раз намекнет на знание им этих событий, а мы сегодня имеем возможность увидеть происходящее с русинской стороны, без чего, как мы видели во всех предыдущих случаях, понять "путевые" очерки или "стихи на случай" советских поэтов либо сочинения и переводы эмигранта Бальмонта, попавшего и в тексты Маяковского, невозможно. Тем ценнее то, что говорит, проговаривает или недоговаривает Илья Эренбург.

Выше, читая книгу Крамаржа мы видели, что повременному руководству ЧСР романтическая русофилия бывшего лидера неославизма оказалась крайне чужда. Не вступая в спор с реальными политиками, Эренбург формулирует идею специфической словацкой русофилии: "На культуре России воспитывалась вся словацкая интеллигенция прошлого века. (...) каталоги библиотек, где русские писатели - на первом месте, и все романтическое, слегка наивное, слегка подслеповатое русофильство стариков, безотносительно развития и положения: старых политиков, старых учителей, старых бачей".

Так и хочется среди этих словацких "старых политиков" встретить чеха К. Крамаржа, имя которого, кстати, Эренбург не упоминает, в отличие от, например, мимолетного упоминания Бенеша. Забавно, как слова Эренбурга о Словакии практически повторяют то, что Якобсон писал о Чехии. Похоже, что перед нами писательский вариант лоббирования чехословацкой модели, с одной стороны, и чешской и словацкой - с другой. Не исключено, что Якобсон и Эренбург относились к представителям различных группировок в тогдашней советской верхушке.

---

18) Там же, сс. 244-245.

"Любовь молодой Словакии к сегодняшней России отнюдь не слепа. В школах вводят теперь русский язык. Словаки жадно читают новых русских писателей. Местные газеты переполнены известиями о жизни в СССР. Это не страсть вчуже, это духовный оплот. Словаки твердо помнят, что мы - их естественные соседи. Всякому ясно, что Подкарпатская русь рано или поздно отойдет туда, куда она хочет и должна отойти. Между нею и Совестким Союзом - только узкая полоска западной Украины. Тогда то государство, о котором деды слагали песни, похожие на сон (...) окажется рядом, под боком. Так будут уравновешены различные влияния, и Словакия сможет идти своим путем: ведь дерево обдуваемое встречными ветрами, не гнется к земле, но растет вверх."

Здесь интересно, что Эренбург вовсе не является сторонником Чехословакии, он за свободное развитие Словакии. Однако лишь в том случае, когда вся Прикарпатская Русь отойдет, минуя полоску Западной Украины, которая окажется Советской. Тогда две половины Карпатской Руси, включая, естественно, Пряшевскую окажутся соединенными даже через границу свободной Словакии с ее русофильством.

Надо заметить, что подобная позиция жестко противостоит позиции хотя бы Бенеша да и всей ренальной чехословацкой политике того времени.

Еще острее и содержательнее специальная глава очерков Эренбурга "Подкарпатская Русь". Острота политического смысла этого текста на фоне проанализированного текста Крамаржа, который учитывал, как мы помним, и позицию Бенеша, сомнений не вызывает. Разумеется. В тексте Эренбурга нет прямых ссылок на разговоры с сотрудниками советского постпредства, однако практически нет сомнения, что, как и в случае со "славянскими" текстами Маяковского, книга Эренбурга напоминает политический манифест.

Рассказывая историю появления Подкарпатской Руси в Чехословакии, Эренбург пишет: "После мировой войны совещание карпатских эмигрантов в Америке приняло резолюцию о добровольном вхождении Подкарпатской Руси в Чехо-Словацкую республику. С Советской Россией общей границы не было. Из двух зол приходилось выбирать меньшее - куда угодно, только бы не к полякам!"[19].

---

19) И. Эренбург Подкарпатская Русь, с. 248.

Разумеется, Эренбург не политический деятель, поэтому он может высказываться о Польше куда более откровенно, чем действующие политики. Эта же ситуация позволяет Эренбургу достаточно жестко высказываться о том, что чехо-словацкое правительство забыло свои обещания о предоставлении Подкарпатской Руси автономии. Касается Эренбург и крайне болезненного вопроса о взаимоотношениях русского и украинского обществ в Карпатах. Эренбург отмечает, что, не будучи лингвистом, он, тем не менее, понимает язык русинов легче, чем украинский. Это важное замечание, ведь Эренбург - киевлянин. Да и завершает свои путевые заметки Эренбург глухим упоминанием того, что происходило в этих местах в годы Первой мировой войны: "Чехо-Словакия не федерация, это, прежде всего, государство, тесно слитых племен. Подкарпатская Русь в ней - случайность, это даже не доходная статья, но только маленькая политическая гирька, да еще, может быть, синекура для сотни другой бюрократов. Карпато-русские крестьяне безграмотны, но они далеко не без головы. Еще не настало время рассказать о том, что делалось во всех этих деревушках, когда Красная армия, разбив поляков, находилась всего в нескольких десятках километров от границы Подкарпатской Руси. Крестьяне были готовы хоть с вилами кинуться на "панов", расчищая дорогу "своим". Судьба решила иначе. Впрочем, что значат еще двадцать или тридцать лет для страны, которая ждет раскрепощения уже шесть с половиной столетий"[20].

То, почему еще не пришло время рассказать о событиях в Подкарпатской Руси, объясняют сборники, подготовленные участниками и жертвами этих событий. Понятно, что, намекая на украинский компонент карпатской проблемы, Эренбург не имел возможности цитировать те материалы, которые издавали в память трагических событий лидеры Карпатских русин. Однако есть все основания считать, что Эренбург был в курсе того, что печаталось по этому поводу как раз в 1924-1928 гг.

Да и проблему русского языка в Подкарпатьи он понимал и чувствовал остро, равно как и возможность будущего объединения двух частей Подкарпатской Руси: "Побывал я снова и в Польше; правда, это мое посещение было

---

20) И. Эренбург Пряшевская Русь... с. 255.

весьма кратким и для поляков никак не обременительным: в Татрах польские пограничники, приняв нас за чехов, милостиво разрешили нам освежиться в польской корчме. В избе, где, конечно, уж красовался и "маршал"(Пилсудский - Л.К.), мы разговаривали друг с другом по-словацки или по-французски, боясь обронить русское слово как нелегальную прокламацию. Если бы только знали эти симпатичные жандармы, что у нас за паспорта в кармане! А, вернувшись полчаса спустя в Словакию, мы почувствовали себя, чуть ли не дома: ведь здесь слово "русский" открывает все двери и сердца. Да, кажется, Словакия - единственная теперь в Европе страна, где русский путешественник - это нечто вроде американца в Париже, хотя он и не обладает долларами"[21].

Так Эренбург предварил свои приведенные нами выше рассуждения о полоске Западной Украины, мешающей русинам воссоединиться с теми с кем они хотят, и завершил предыдущую главу с обсуждением возможного поглощения русского языка словацким.

Теперь взглянем на ситуацию с другой - русинской - стороны. Этим людям не надо было соблюдать даже минимальный дипломатический стиль в разговорах о польско-чешско-австрийских отношениях. Да, к тому же, авторы текстов, которые мы приведем, не отличались и любовью к Советскому Союзу, как бы этого ни хотелось или казалось Эренбургу.

Мы не будем сейчас подробно анализировать Подкарпатско русские документы, которые выходили как раз в интересующее нас время[22].

Мы указываем эти документы, несмотря на их крайнюю антиукраинскую и антисемитскую (хотя меньшую, чем антиукраинство) направленность, ибо они выражают реально существовавшую позицию лидеров Карпаторусов по отношению к событиям Первой мировой войны.

---

21) И. Эренбург Любовь не вчуже... с. 245.

22) *Талергофский альманах. Приснопамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг.*, Вып. 1-4, Львов, 1924-1934. Перепеч. В *Русская Галиция и «мазепинство»*, М.. сс. 211-511. Сведений о том, что поисходило в Карпатах во время советско-польской войны, которую имеет в виду Эренбург, в Альманахе нет. Заметим, что и К. Крамарж употреблял выражение "мазепинство", будучи крайним противником "украинства".

Вернемся к проблеме языка, ибо в соответствии с целями нашей работы, мы обращаем основное внимание на те аспекты Славянской проблемы, которые отразились в литературе либо оказали на нее существенное влияние. Понятно, что проблема языка не могла пройти мимо именно писателей. Да и Эренбург в «Визе времени», говоря о Подкарпатской Руси, начал с истории бытования там русского языка: "Для Подкарпатской Руси (...) Россия была единственной надеждой, залогом что не тщетна борьба ее умных и обворованных крестьян за простое человеческое право: говорить на родном языке. В Подкарпатской Руси немало можно найти библиотек, где тщательно подобраны русские книги. Сочинения Ломоносова или Державина были здесь подпольной литературой, их прятали подальше от нескромных глаз, а, переплетая, на корешках проставляли мадьярские или латинские имена. В 1853 году один из зачинателей карпато-русского движения Духнович издал в Будапеште первую русскую грамматику. Это было бомбой революционера. Да, за грамматику арестовывали. Вся дальнейшая история карпато-русского движения изобилует однородными эпизодами: русская школа - аресты, сборник стихов, школьный кружок с чтением Пушкина вслух - крепость. Шел поединок между крохотным народцем и огромной империей"[23] .

И в центре этой борьбы стояла проблема: кириллица или латиница, письмо этимологическое или фонетическое.

Вот, как описывалось это в 1902 г. И. П. Филевичем: "В 1891 г. Львовский "краевой выдел" обратился в Министерство внутренних дел с запиской, указывая на желательность устранения из «Вестника законов державных» и друг их официальных публикаций того языка, который, по мнению "Выдела", представляет смесь "церковнославянского и великорусского языков, из которых последний также чужд галицко русскому населению, как языки чешский или сербский", а в конце того же года "Товаристсво им. Шевченко" и "Руске товариство педагогичне" обратились в Министерство просвещения с ходатайством о введении так называемой "фонетики"(фонетического правописания). (...) Возник горячий спор о правописании, очень напоминающий подобные же споры в 30-х и 50-х годах"[24].

---

23) И. Эренбург Подкарпатская Русь... с. 247.

Сегодня на этом можно и закончить. Ведь историко политическая реальность начала XXI века вновь во многом вернула нас к проблемам, которые казались решенными после Второй мировой войны. Но политика нас сейчас не интересует. Что же касается судьбы книги Эренбурга «Виза времени», то ее сегодня практически никто не читает и уж, тем более, не переиздает, а выход 100 экземпляров антологии Бальмонта «Душа Чехии» и вовсе стал событием лишь для предельно узких кругов славистов.

Однако все это не дает нам оснований оставить эти книги без внимания. Ведь они стали очередными звеньями цепи рецепции идеологии и развития поэтики «славянского единства» или «славянской взаимности», которые волнуют умы художников, историков и политиков и по сей день.

---

24) И. Филевич(1901) "Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина»" *Сборник «Галицко-русской матицы»*, Львов, кн. 2, сс. 105-122; кн. 3, сс. 185-197; кн. 4, сс. 282-308. Цит. по: *Русская Галиция и "мазепинство"* М., 2005, с. 7.

Литература

Автономова, Н., Гаспаров, Н.(1997) "Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры. 1929-1951," *Материалы Международного конгресса «100-летие Р. О. Якобсона»*, Москва 18-23 декабря 1996г., М.: РГГУ.

В защиту Славянской Политики, Прага, 1927.

Кацис, Л.(1993) "Маяковский и Эренбург в Варшаве в 1927г.," *Литературный авангард. Особенности развития*, М.

_____(1995) "Маяковский в Варшаве в 1927г.," *Wlodzimier Majakovskegczas. Literatura na pograniczach*, Warsawa.

_____(2004) *Владимир Маяковский. Поэт в интеллектуальном контексте эпохи*, М.

_____ , М. Одесски(1996) "«И если когда нибудь в этой стране…»: О некоторых славянских параллелях к «Реквиему» Анны Ахматовой," *Литературное обозрение*, No. 5, 6.

_____(1999) "Пушкин - Коллар - Мицкевич," *Известия АН. Серия литературы и языка*, Т. 58, No. 3.

_____(2001) "Идеи «славянской взаимности» в творчестве В. В. Хлебни-кова и литераторов его круга," *Известия АН. Серия литературы и языка*, Т. 60, No. 3.

_____(2003) "Тютчев и славянский вопрос," *Известия АН. Серия литературы и языка*, Т. 62, No. 6, сс. 11-24.

_____(2005[2006]) "Поэтика «славянской взаиности» и ее отражение в творчестве Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. С. Соловьева," *Славянский альманах*, М.

_____(2007) "Константин Бальмонт, Владимир Маяковский и Илья Эренбург в 1926-1928 гг.(К поэтике и идеологии «Славянского единства» и «Славянской политики»)," *Марина Цветаева и Константин Бальмонт. Материалы международных научных чтений*, Иваново(в печати).

Клопова, М.(1999[2000]) "Украинское движение Австро-Венгрии в оценке российских дипломатов," *Славянский альманах*, М., сс. 164-174.

Одесский, М.(2005) "От «Как дочь родную на закланье» к «Над русской Вильной стародавней». Литва в историософии Тютчева," *Балтийские перекрестки. Этнос. Конфессия. Миф. Текст,* СПб., 2005. сс. 351-366.

Пушкаш, А.(2006) *Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918-1945,* М.

Русская Галиция и "мазепинство", М.. 2005. С. 211-511.

Серапионова, Е.(2006) *Карл Крамарж и Россия. 1890-1937 годы.: Идейные воззрения, политическая активность, связи с русскими государственными и общественными деятелями,* М.

Сорокина, М. Ю.(2000) "«Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика Якобсона»," *In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина,* СПб.-Париж.

Талергофский альманах. Приснопамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг. Вып. 1-4. Львов. 1924-1934.

Шевченко, К.(2006) *Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии,* М.

Чапек, Ч.(2000) *Беседы с Т. Г. Масариком,* М.

Филевич, И.(1901) "Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина»" *Сборник «Галицко-русской матицы»,* Львов, кн. 2, сс. 105-122; кн. 3, сс. 185-197; кн. 4, сс. 282-308.

Флейшман, Л.(2003) *В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать,* М.

Эренбург И.(1931) "Корчма и рэби Акиба," *Эренбург И. Виза времени.* М.

_____ *Прящевская Русь.*

_____ *Подкарпатская Русь.*

_____ *Любовь не вчуже...*

K. D. Balmont(2001) *Duse Cheskych zemi ve slovech a cinech. Z dejin rusko-ceskich literarnich vztahu,* Vidani, preklad, studie, komentar Danuse Ksicova. Masarykova univerzita, Brno.

Abstract

Il'ia Erenburg and Konstantin Balmont in the Context of the Ideology of the "Slavic Unity"

Katsis, L.

This article is dedicated to the history of the ideology of so called "Slavic Unity" as it has reflected in the literary and public activity of two writers: émigré Russian poet Konstantin Balmont and Soviet writer Il'ia Erenburg. L. Katsis shows that both authors each from their own point of view took into consideration political positions of Check leaders of that epoch K. Kramarge and E. Benesh. The author examines recently published Anthology of translations by K. Balmont "The Spirit of Check lands" written by the influence of Karamarge's activity and ideology and travelogue by I. Erenburg "The Visa of Time", published at the beginning of 1930th but connected with the end of 1920th.

논문심사일정

논문투고일: 2006. 9. 30
논문심사일: 2006. 10. 18 ~ 2006. 11. 23
심사완료일: 2006. 11. 27

Katsis, L. Associated professor of the Russian-American Center for Bible and Judaic Studies at Russian State University for the Humanities in Moscow. His main research area is Jewish-Christian relation in Modern Russian literature.